

Статья «Слово об Александре Петровиче Казаркине» была написана в 2001 году, в год его юбилея. Но с тех пор не было ни одного выпуска нашего журнала серии «Философия. Культурология. Филология» и мы решили, хотя и с некоторым опозданием, опубликовать статью Р.И. Колесниковой и тем самым поздравить Александра Петровича с 60-летием.

СЛОВО ОБ АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВИЧЕ КАЗАРКИНЕ

Так уж изначально было положено, чтобы нигде ничто не доставалось ему легко. А для устойчивости Бог дал сильный ум, спокойный характер, эстетическое чутье, умение петь и быть молчаливо тактичным в любых ситуациях.

Родился Александр Петрович Казаркин на пике морозов в первый год большой войны - 12 декабря 1941 г. Рос на заимке у бабушки, где, наверное, единственной опорой была кержацкая вера да нерушимая старообрядческая этика. В школу ходил за 13 верст.

Определить свое место в мире было тоже непросто: у матери он первый, но еще три сына (теперь он их поддерживает, как может). После школы работал: сварщик, монтажник-верхолаз. Писал стихи, фантастику, мечтал о литературном институте: «Вон там звезда одна горит, так ярко и мучительно...» (это Ап. Григорьев, 100 лет назад: космический закон любви - каждому своя «звезда»). Ему же на всю жизнь - единая и неделимая страсть к русской литературе, «... чего от сердца нужно ей, ведь знает без того она, что к ней тоскою долгих дней вся жизнь моя прикована...».

Поступил на филологическое отделение ИФФ ТГУ (тогдашним абитуриентам, кроме всего, надо было еще иметь рабочий стаж). Был скромно-незаменимым одним из двух парней в своей дружно-веселой девичьей группе. Входил в литобъединение (позднее сам много лет руководил им). Писал студенческие работы о поэтах и поэзии, о жанрах лирического рассказа (этот мощный сейсмочуткий пласт русской культуры теперь почти утонул в водах времени) и автобиографической повести (Казаков, Нагибин, Шукшин, Распутин...) и не знал, как скоро ностальгия по юности отнесется и к нему: «Куда все это канет? По какому странному закону отсечется, покроется мглой небытия, куда исчезнет это самое счастливое ослепительное время?» (Ю. Казаков).

Учился - сам! Конечно, были преподаватели, хорошие, много. У каждого что-то брал, каждому благодарен: Н.Ф. Бабушкину, Э.Ф. Молиной, А.А. Ачатовой, Е.А. Сафроновой, Н.Н. Киселеву, Ф.З. Кануновой, В.В. Палагиной и др. Но, по сути, он все-таки самородок. Академической специализированной школы, т.е. целенаправленного пестования под эгидой мэтра, не было.

Окончил ТГУ с «красным» дипломом, и опять, как и после школы, прямо по М. Волошину: «Выйди на кровлю, склонись на четыре стороны света, простири ладонь...». Впрочем, долго дорогу не искал, она сама развертывалась перед ним как древний свиток с мудреными письменами - по распределению поехал работать в районную газету в Томской области. Однако вскоре из района его призвали на родную кафедру («Стал преподавателем университета и, пожалуй, останусь им до конца моих дней»). Женится, между прочим, тоже вполне традиционно для настоящего филолога: с милым сердцем, чтобы быть защитником, опорой и надеждой. Три сына:

Тимофей, Лев, Глеб Александровичи Казаркины. Во всяком случае, доброе имя в наследство им обеспечено, только дай бог понять им, что это не мало.

Филфак дал хорошее образование: и компас, и риск-полюс времен. Александр Петрович, всегда, как и теперь, словно лозоходец воду, чувствовал-находил свою литературную любовь, боль, долг - свою тему. У него интуиция на провидческие таланты, на творчество тех художников-мыслителей, чье видение эпохи было «несомненно более адекватно». Его привлекали проблемы, решение которых возможно на стыке нескольких фундаментальных наук.

Одна из опорных ступеней - фольклор: много ежегодных экспедиций со студентами, обобщения, статьи, курс лекций по устному народному творчеству. Потом за 30 с лишним лет ему довелось прочесть все возможные курсы лекций по русской литературе плюс литературе народов СССР. Но эклектикой не заболел, напротив, обрел удивительную панорамность видения. В конкретном анализе метафоры, образа, сюжета он умеет видеть общие закономерности, типологические модели и тенденции.

Исследуя эстетику поэзии и славянофильства Ап. Григорьева, понял, почему А. Блок считал его лучшим выразителем русской души, «которую пора перестать прозевывать». В «скифстве» и «евразийстве» Блока Александр Петрович прочел этапы становления «русской идеи» и соотнес ее с концепцией культурного полиморфизма. В последнем увидел открытый выход к проблемам конвейерного производства маскульты и негативной духовности элитарного искусства, с его утонченным мироотрицанием.

Удивительна глубина и широта его исследований: Бунин, Мандельштам, Булгаков, Пастернак, Платонов, Н. и Л. Гумилевы, В. Астафьев ... Неукоснительность пристрастий Александра Петровича и необычность диапазона - было время - волновали даже КГБ (чем он, истинный ученый, абсолютно пренебрег).

Так уж случилось, что Томск оказался крайней точкой магического круга судьбы Н. Клюева и точкой ее возрождения, а А.П. Казаркин - один из бережно-ревностных ее исследователей, если не сказать организаторов и вдохновителей. Статьи, публикации, дискуссии, доклады, конференции, посвященные подвигу жизни, творчества и подвигу смерти поэта («В планах книжка о Клюеве, - он ведь старообрядец, и мир его очень современный, апокалиптический»).

Одна из сквозных в русской культуре тема старообрядчества тоже магнитно притягательна. Там помимо российского (Л. Толстой, Мельников-Печерский) такой мощный сибирский литературный пласт: Г. Гребенщиков, В. Шишков, А. Новоселов и т.д. («Лет 30 коплю материалы о старообрядчестве в Сибири и мечтаю дописать книгу об экологической этике и философии кержаков»). Собирает, осмысливает, пишет в основ-

ном без надежды на публикацию («Если русское литературоведение существует, то, выходит, для него пишу - пока в стол, а там видно будет»). Жаль. Работы его логичные, ясные: глубина мысли, прозрачность языка, - читая, наслаждаешься.

Еще одна привлекательность Александра Петровича - разговорная культура. В Томском клюевском сборнике опубликован «Опыт интерпретации последнего стихотворения Клюева «Есть две страны...» в форме диалога двух исследователей. На редкость удачный опыт - двойной анализ лирического завещания. Вариация традиционной со времен Горация темы «памятника» и, по мнению диспутантов, редкий в литературе XX века шедевр христианского художественного творчества, даже, может быть, «эталон» в суждениях о национальном образе мира. На мой взгляд, оба участника диалога - Я. Золотарев и А. Казаркин - «лучшие»: очаровательны мыслью и знанием. Но Александр Петрович убедительнее: мыслит шире, философичнее, тоньше читает символику, каждую деталь, каждый троп видит в широком контексте онтологических корней и ассоциаций.

С такой же легкостью, профессорским изяществом и любовью к истине он являет свою позицию в научных спорах с оппонентами. С дамами - мягко. Например, Н.М. Солнцева приводит аргумент в форме цитаты из А. Белого: «Клюев вошел в литературу в ту пору, когда она забродила на дрожжах сектантства». А.П.: «Так уж и вся она забродила?» и дальше отрезвляюще: «Ссылка на мнение А. Белого не может служить обоснованием: это его автоинтерпретация».

С мужчинами - строго, по-мужски. Например, по поводу неоправданного сарказма К.М. Азадовского: «... Над чем же здесь иронизировать? Именно так: заонежский песенный заповедник вырастил певца русской самобытности, предьявившего запасники национальной культурной памяти в эпоху геноцида. Кто же еще в XX веке национально-самобытнее Клюева? ...» Или вот ответ коллеге Б. Хазанову, для которого Н. Клюев - «талантливый имитатор, одетый вологодским мужичком».

А.П.: «Имитатор - чего? Русского космоса? ... призвания «В последний раз отведайте мед от сладких пасек Византии»? ...»

Александр Петрович не из тех, кто, как говорил Шкловский о себе, «умеет внашиваться в любую обувь».

Сейчас, когда затапливается Атлантида русской классики и под аплодисменты громоздится «вавилонская башня» культурных отходов, любой даже самый кабинетный ученый должен быть гражданином. Снова перед каждым еще более усложнившийся вопрос: «С кем вы? мастера? культуры?» Александр Петрович из тех, кто сквозь все сломы, катастрофы, разрывы времен ищет, раскрывает, защищает добытый веками свет духовности, «преемство мысли», ритм, лад, гармонию.

Он слышит диалог писателей, поэтов, богословов в их конкретных временах и в общей истории - диалог десятилетий, веков, времен. И пишет о критике и самосознании, об органической культурологии и литературоведении, о концепции русской литературы XX века и русской литературы Сибири. И во всем главное для

него - выявить, уяснить, определить стержень, ствол, основу русской национальной культуры. Вот где пригодилась ему и кержаская («не по менталитету, а по происхождению») духовная твердость и подвижничество. Самостоянье и энциклопедизм.

Ученики считают Александра Петровича истинно университетским человеком. Коллеги, серьезно вникающие в его работы, находят вполне правомерным увидеть его имя среди имен тех, кто продолжит генерацию отечественных мыслителей и литературоведов - Н. Бердяева, И. Ильина, М. Бахтина, Л. Гумилева, Д.С. Лихачева.

То, что уже сделал в науке А.П. Казаркин, могло бы быть результатом работы многих. Но здесь все согрето единой живой душой. Какой же сложно-напряженно-богатой должна быть ее жизнь, чтобы выходили на свет божий такие его едино-разнотематические исследования во славу и спасение отечественной культуры. Если бы все наши интеллигенты так взялись за поиск истины, то, говоря словами А.П. Чехова, «без сомнения, уже в обозримом будущем наши бы ее».

Вузовские преподаватели знают, что все то, о чем шла речь, феноменально трудно совмещать с работой, за которую зарплату дают. Немерянная учебная нагрузка: «часы», лекции, программы, учебники, консультации, рецензии, оппонирование, редактирование, дипломы, аспиранты etc, etc.... А у Александра Петровича немалая часть жизни-работы прошла в общественном транспорте, ибо немало лет - и последовательно, и параллельно - он связывал собою учебно-научно-литературную жизнь трех кафедр: в Томске, Кемерове, Анжеро-Судженске.

Томску на дефицит талантливых ученых и преподавателей жаловаться грех. Вот только всегда ли, у всех ли из них есть достойные условия для работы? У Александра Петровича в настоящее время - увы! - ни рабочего стола, ни даже табуретки, и его кафедра общего литературоведения ведет кочевой образ жизни. И «не к лицу, и не полетам...».

Таких, от природы скромных и сдержанных часто принимают за слабых и нерешительных. А для хорошо знающих Александра Петровича, этот его «гамлетизм» только придает прелесть и глубину уважения силе его характера. Давно ведь замечено, что почти всегда скромность прямо пропорциональна талантливости. Спокойная простота Александра Петровича - форма его внутреннего достоинства и неизменно ему присущего мужества. И человека, и ученого, и критика. Для него сказать правду, то, в чем убежден, проще и естественнее, чем любую самую дипломатичную и утешительную ложь.

Я знала его студентом, потом мы работали на одной кафедре, вместе ездили по фольклорным практикам, не раз, не два оказывались в сложных ситуациях. Я не знаю случая, где бы Александр Петрович повел себя неблагородно. «Врут про Гамлета, что он нерешителен. Он решителен, груб и умен. Но когда клиент занесен, Гамлет медлит быть разрушителем и глядит в перископ времен». (Это тоже один из любимых Александром Петровичем - Давид Самойлов.)

Римма Колесникова.